

Проблемы бытия личности

Василий Розанов

АПОКАЛИПСИС НАШЕГО ВРЕМЕНИ (избранные места)

Василий Васильевич Розанов (1856–1919) – русский философ и писатель. Родился в семье чиновника, выходца из духовной среды, рано потерял родителей, рос в семье старшего брата. В 1878 г. поступил на историко-филологическое отделение Московского университета, окончил в 1882 г. В тридцать лет издал первую книгу – «О понимании», которая не встретила никакого отклика. Известность ему принесли работы «Место христианства в истории» (1890 г.) и «Легенда о Великом инквизиторе Ф. М. Достоевского» (1894 г.).

Жил в разных городах России. С 1893 – жил в Петербурге, служил чиновником и одновременно продолжал литературную работу. С 1899 г. стал постоянным сотрудником в газете «Новое время», в которой печатался около 20 лет. Проявлял свою активность в разных общественных организациях, например в «Религиозном философском собрании» (1902–1903 гг.) и в «Религиозном философском обществе» (1907–1914 гг.), из которого вышел сам. В августе 1917 г. по приглашению о. Павла Флоренского переехал с семьей из Петербурга в Сергиев Посад, где вскоре скончался.

Как мыслитель и писатель В. В. Розанов – явление уникальное в русской и мировой философии. Его работы относят к таким направлениям, как философия жизни и религиозный экзистенциализм. Для него значимо личностное и конкретное, которое важнее общественного абстрактного.

В центре размышлений В. В. Розанова – Бог и мир, язычество и христианство, пол, чадородие, семья, связь человека с Богом. В. В. Розанов противопоставлял Ветхий и Новый Заветы как религию семени и чадородия и как религию аскетизма и монашества. Своего апогея эта критика достигла в «Апокалипсисе нашего времени» (1917–1918 гг.).

В. В. Розанов поднялся до высот глубокого осмысления истории России, ее народа и культуры. Он глубоко повлиял на мировоззрение Д. Мережковского, Н. А. Бердяева и о. Павла Флоренского.

Как мы умираем?¹

Ну что же: пришла смерть, и значит, пришло время смерти.

Смерть, могила для $\frac{1}{6}$ части земной суши. «Простое этнографическое существование для бывшего Русского Царства и империи», о котором уже поговаривают, читают лекции, о котором могут думать, с которым, в сущности, мирятся. Какие-то «полабские славяне», в которых преобразуется *былая Русь*.

«Былая Русь»... Как это выговорить? А уже выговаривается.

Печаль не в смерти. «Человек умирает не когда он созрел, а когда он доспел». То есть когда жизненные соки его пришли к состоянию, при котором смерть становится необходима и неизбежна.

Если нет смерти человека «без воли Божией», то как мы могли бы допустить, могли бы подумать, что может настать смерть народная, царственная «без воли Божией»? И в этом весь вопрос. Значит, Бог не захотел более быть Руси. Он гонит ее из-под солнца. «Уйдите, ненужные люди».

Почему мы «ненужные»?

Да уж давно мы писали в «золотой своей литературе»: «Дневник *лишнего* человека», «Записки *ненужного* человека». Тоже – «*праздного* человека». Выдумали «*подполья*» всякие... Мы как-то прятались от света солнечного, точно стыдясь за себя.

Человек, который стыдится себя? – разве от него не застыдится солнце? Солнышко и человек – в связи.

Значит, мы «не нужны» в подсолнечной и уходим в какую-то ночь. Ночь. Небытие. Могила.

Мы умираем как фанфароны, как актеры. «Ни креста, ни молитвы». Уж если при смерти чьей нет креста и молитвы – то это у русских. И странно. Всю жизнь крестились, богомолились: вдруг смерть – и мы сбросили крест. «Просто, как православным человеком русский никогда не жывал». Переход в социализм и, значит, в полный атеизм совершился у мужиков, у солдат до того легко, точно «в баню сходили и окатились новой водой». Это – совершенно точно, это действительность, а не дикий кошмар.

Собственно, отчего мы умираем? Нет, в самом деле, – как выразить в одном слове, собрать в одну точку? Мы умираем от единственной и основательной причины: *неуважения себя*. Мы, собственно, самоубиваемся. Не столько «солнышко нас гонит», сколько мы сами гоним себя. «Уйди ты, черт».

Нигилизм... Это и есть нигилизм – имя, которым давно окрестил себя русский человек, или, вернее, – имя, в которое он раскрестился.

¹ Розанов В. В. Апокалипсис нашего времени. – М., 2009. – С. 13–19. – Библиотека мудрости.

- Ты кто? Блуждающий в подсолнечной?
- Я нигилист.
- Я только *делал вид*, что молился.
- Я только делал вид, что *живу в царстве*.
- На самом деле – я сам себе свой человек.
- Я рабочий трубочного завода, а до остального мне дела нет.
- Мне бы поменьше работать.
- Мне бы побольше гулять.
- А мне бы не воевать.

И солдат бросает ружье. Рабочий уходит от станка.

- Земля – она должна сама родить.

И уходит от земли.

- Известно, земля Божия. Она всем поровну.

Да, но не Божий ты человек. И земля, на которую ты надеешься, ничего тебе не даст. И за то, что она не даст тебе, ты обagriшь ее кровью.

Земля есть Каинова, и земля есть Авелева. И твоя, русский, земля есть Каинова. Ты проклял свою землю, и земля прокляла тебя. Вот нигилизм и его формула.

И солнышко не светит на черного человека. Черный человек ему не нужен.

Замечательно, что мы уходим в землю упоенные. Мы начинали войну самоупоенные: помните, этот август месяц, и встречу Царя с народом, где было все притворно? И победы, – где самая замечательная была победа казака Крючкова, по обыкновению отрубившего семь голов у немцев. И это меньшиковское храброе – «Должны победить». И Долиной – победные концерты в цирке Чинизелли и потом в Царском. Да почему «должны победить»? Победа создается не на войне, а в мирное время. А мы в мирное время ничего не делали, и уж если что мы знали хорошо, то это – то, что равно ничего не делаем. Но дальше – еще лучше. Уж если чем мы упились восторженно, то это – революцией. «Полное исполнение желаний». Нет, в самом деле: чем мы не сыты. «Уж сам жаждущий когда утолился, и голодный – насытился, то это в революцию». И вот еще не износил революционер первых сапогов – как трупом валится в могилу. Не актер ли? Не фанфарон ли? И где же наши молитвы? И где же наши кресты? «Ни один поп не отпел бы такого покойника».

Это колдун, оборотень, а не живой. В нем живой, души нет и не было.

- Нигилист.

О нигилистах панихид не правят. Ограничиваются: «Ну его к черту».

Окаянна была жизнь его, окаянна и смерть.

$\frac{1}{6}$ часть суши. Упоенная революция, как упоена была и война. «Мы победим». О, непременно. Так не есть ли это страшный факт, что $\frac{1}{6}$ часть суши как-то все произращала из себя «волчцы и тернии», пока солнышко не сказало: «Мне не надо тебя». «Мне надоело светить на пустую землю».

Нигилизм. – «Что же растет из тебя?»

– Ничего.

Над «ничего» и толковать не о чем.

– Мы не уважали себя. Суть Руси, что она не уважает себя.

Это понятно. Можно уважать труд и пот, а мы не потели и не трудились. И то, что мы не трудились и не потели, и есть источник, что земля сбросила нас с себя, планета сбросила.

По заслугам ли?

Слишком.

Как 1000 лет существовать, прожить княжества, прожить царство, империю, со всеми прийти в связь, надеть плюмажи, шляпу, сделать богомольный вид: выругаться, собственно, – выругать самого себя «нигилистом» (потому что по-нормальному это ведь есть ругательство) и умереть.

Россия похожа на ложного генерала, над которым какой-то ложный поп поет панихиду. «На самом же деле это был беглый актер из провинциального театра».

Самое разительное и показующее все дело, всю суть его, самую сутеньку – заключается в том, что «ничего», в сущности, не произошло. «Но все – рассыпалось». Что такое совершилось для падения Царства? Буквально, – оно пало в буддень. Шла какая-то «середа», ничем не отличаясь от других. Ни – воскресенья, ни – субботы, ни хотя бы мусульманской пятницы. Буквально, Бог плюнул и задул свечку. Не хватало провизии, и около лавочек образовались хвосты. Да, была оппозиция. Да, царь скапризничал. Но когда же на Руси «хватало» чего-нибудь без труда еврея и без труда немца? когда же у нас не было оппозиции? и когда царь не капризничал? О, тоскливая пятница или понедельник, вторник...

Можно же умереть так тоскливо, вонюче, скверно. – «Актер, ты бы хоть жест какой сделал. Ведь ты всегда был с готовностью на Гамлета». «Помнишь свои фразы? А то даже Леонид Андреев ничего не выплюнул. Полная проза».

Да, уж если что «скучное дело», то это – «падение Руси».

Задуло свечку. Да это и не Бог, а... шла пьяная баба, спотыкнулась и растянулась. Глупо. Мерзко. «Ты нам трагедий не играй, а подавай водевиль».

Что-то такое случилось²

Есть в мире какое-то недоразумение, которое, может быть, неясно и самому Богу. В сотворении его «что-то такое произошло», что было неожиданно и для Бога. И отсюда, собственно, иррационализм, мистика (дурная часть мистики) и неясность. Мир гармоничен, и это – «конечно». Мудр, благ и красота, и это – Божие. Но «хищные питаются травоядными» – и это уж не Божие. Сова пожирает зайчонка – тут нет Бога. Бога, гармонии и добра.

² Там же. – С. 33–34.

Что такое произошло – этого от начала мира никто не знает, и этого не знает и *не понимает* Сам Бог. Бороться или победить это – тоже бессилён Сам Бог. Так «я хочу родить мальчика красивого и мудрого», а рождается «о 6-ти пальцах, с придурью и непредвиденными пороками». Так и планета наша. Как будто она испугана была чем-то в беременности своей и родила «не по мысли Божией», а «несколько иначе». И вот «божественное» смешалось с «иначе»...

И перед этим «иначе» покорен и Бог. Как тоскующий отец, который смотрит на малютку с «иначе», и хочет поправить, и не может поправить. И любит «уже все вместе»...

«Москва слезам не верит»³

– и делает очень глупо. Оттого она бедна. Нужно именно *верить*, и – не слезам, а – вообще, всегда, до тех пор пока получил обман: финикияне в незапамятную древность, в начале истории, приучились верить и образовали простую бумажку, знак особый, который писали, делали и т.д. Он был условен: и кто давал его – получал «доверие», и это называлось – *кредитом*. Заведшие это, «доверчивые» люди, но определенно доверчивые, и вместе – не по болтовне или «дружеской беседе», а – деловым образом и для облегчения жизни, стали первыми в мире по богатству. Не чета русским. Которые даже в столь позднее время – все нищают, обманывают и – тем все более и более разоряются.

Долг платежом красен

– и русские выполняют и не могут не выполнить этого, насколько это установили финикияне (вексель)... Но решительно везде, где могут, – стараются жить на счет друг друга, обманывают, сутенерничают. И думая о счастье – впадают все в большее и большее несчастье.

(Продолжение следует)

³ Там же. – С. 36–37.

